***

Смотри, пока не ослеп,
как убирают хлеб,
как по сугробам гроз
движется сенокос.

Слушай, пока не оглох,
как вырастает мох,
как старуха-изба
смахивает со лба

жирно-бесстыжих мух.
Сам превращайся в слух,
в зрение, в немоту.
Не проводи черту –

пашня, пай, огород.
Оводы лезут в рот,
странен для них язык.
Что им – названья книг?

Перебирай навоз.
С водкой не меньше слез,
крепко настоян мат –
так и несет из хат.

Читай, пока не стошнит,
мерный, постылый быт.
Пиши, пока жернова
исправно цедят слова.

Ну, что же ты, городской,
в обиде на род людской?
Смотри, пока не ослеп,
слушай, пока не оглох.

Говори, пока не умолк,
какой еще нужен толк,
если твой стих неплох,
даже когда нелеп.

***

Александру Кушнеру

Если годы – не голуби, а вороны,
если были тщетны веков прививки,
отправляйся на озеро близ Вероны,
где Юпитер с гор собирает сливки.

Но пронзает город сильнее тика.
Чем сегодня пополнится твой глоссарий? –
Выдох «Санта Мария…» и вдох «…Антика».
Вот – Леони Порта, а вот – Борсари.

Может, встретишь на площади Алигьери,
расспроси его – если так совпало –
чем опасен лес, и откуда звери,
и какие замашки у делла Скала.

Страшен яд вражды… Ты совсем ребенок.
И с паломника спросится, и с вельможи.
Посмотри, как много вокруг веронок –
до чего же они на одну похожи!

Игорь Стравинский. Scherzo a la russe, 1945
Притязания музыки горней
Постигаешь. Вдыхаешь. Паришь…
Брызжет скерцо твоих Калифорний,
а слова подбирает Париж.

Нотной вязью омыт и опутан,
стон рояля слышнее мортир.
И покорность, и спесь контрапункта –
все приемлет и стерпит клавир.

Отзывайся – вблизи, вдалеке ли –
междометием, камнем, слюдой.
И сейчас, и когда Сан-Микеле
растворится, уснет под водой.

Что ж, хвала тесноте и обиде –
непривычный рефрен заучи.
Возвращайся, Протей и Овидий.
Дирижерствуй! Скитайся! Звучи!

Детская школа искусств города Припять
Память-музыка, ты ангел или демон?
Ты и маленькая выше великанов.
Тут вчера еще был город… Где он? Где он?..
Город здесь. Но будет нем теперь веками.

Время рвется, словно струны, будто пленка.
Время – лава и воронка, глотка зверя.
Мама-музыка скучает по ребенку:
он вчера еще был здесь – и вот – потерян.

Люди выехали – музыка осталась.
Искалеченный рояль всплеснул крылами.
Люди плакали – а музыка смеялась
нервно, сдавленно. Карабкалась по раме,

попыталась улизнуть. Но чувство долга...
но беспомощность... но гонор и отвага...

«Люди выехали, их не будет долго» –
плачет музыка, скулит, но эта влага

управляет лодкой легкою на блюде,
в лунном масляном полощется корыте.
Верит музыка, надеется... А люди
не вернутся!.. «Тише! Ей не говорите...»

* * *

Избегаю банальностей вроде Стикса и Леты.
Все бледнее мои картинки переводные.
Так старательно прячешь, Киев, домов скелеты,
словно формы существованья переходные.

Годы-окна отворены, и хотя ослепли
(нет, по этой самой причине, по этой самой),
не скрипят, а поют об огне, о судьбе, о пепле.
И глаза пустоты над кирпичной смеются драмой.

Если можно любить сильнее, тебя покинув,
измени, прогони, отними даже крылья-кровли.
Чтобы все твои раны чувствовать кожей, Киев,
я желаю ножом разлуки быть обескровлен.

Притяжательный твой падеж, притяженья омут.
Как ты смеешь за горло рукою держать костлявой?
Полоумный старик, прекрати этот страшный опыт,
пропади, утони, привиденьем по небу плавай.

***

Тане, жене и другу

Не сад, а всего лишь две вишни юных в бабушкином дворе.
Кроме дождей, метелей, морозов ничто им не угрожает.
Но каждый художник заводит беседу и спор о зле и добре –
ему достаточно просто взглянуть на то, что его окружает.

Не сад – всего лишь порыв, предтеча, зародыш, зерно ли, намек ли
на тремоло листьев, на мысли о саде, где бисер горит вишневый.

Сорви эту боль, эту быль и небыль, вдохни, пока не намокли
эскиз тишины, набросок надежды и сумрак чернильно-новый.

Двум юным старинным деревьям-птицам плодами делиться не с кем.
Слегка приоткрытые губы заката наполнились соком кислым.
Из пламени лет, из вишневого дыма возник силуэт Раневской,
и взрослая комната стала детской, и жизнь озарилась смыслом.

***

Юлии Смилянской, Гари Лайту

Лето и Яр тезками оказались…
Если поэзия все же возможна и после такого,
снова с плодами рифмуешь – как странно – осеннюю завязь,
и понимаешь, что «больно» – прогорклое слово.

Нет, ты не циник. Но сказано многое слишком,
речь человечья сама по себе еретична.
Улицу знаешь на память – беги к старикам и к мальчишкам,
впрочем, экзамен едва ли ты сдашь на «отлично».

Стой! Не пиши! Это что за кощунство, ей-богу?
Ты упражняешься, будто жонглер сумасшедший…
Грузный октябрь омывает и жадно глотает дорогу.
Вот и в тебе отзывается каждый ушедший.

***

Тот месяц недаром был назван в честь бога войны
(Хотя и другое для имени есть толкованье).
Здесь нужно заметить: когда предпосылки верны,
то ход рассуждения – молот, а суть – наковальня.

Безжалостный месяц с весной, будто с мачехой, груб.
Никто не одернет его – ни обид, ни пощечин.
Проталины-раны, печаль, возведенная в куб,
мой месяц-злодей – бесшабашен, упрям, худосочен.

Факир, лицемер, для чего обещаешь сердцам,
ветрам и ручьям несусветную чушь, ахинею?

Бродяга и плут, прощелыга, безбожник, пацан,
не стоишь весны, но смеешься, мерзавец, над нею.

Считаешь себя полководцем, простак, рядовой,
не знаешь, подлец, как восторженна месть трибунала.
Ну что ж, продолжай в том же духе, довольный, живой,
пока еще мгла твою молодость не спеленала.

***

Ветер лунной играл тетивой,
не заметив, что ночь полыхает...
Спит тревожно орган духовой
и прогорклое время вдыхает.

Беспокойного жара его
не остудят ни фуги, ни строфы.
Не осталось уже ничего
от камней панорамы Голгофы.

Что лукавому Чистый Четверг,
он исходит бессильною злобой.
Hauptwerk, Oberwerk... фейерверк –
ты на вкус эту азбуку пробуй.

А потом до рассвета следи,
что небесный сулит бестиарий.
Дрогнет сердце осколком в груди.
Всякий город – немой планетарий.

Не удержится, выстрелит лук –
птица Время лишится ночлега.
Но опять то носок, то каблук
обозначат подобие бега.

“Ну же, голову музыке в пасть!” –
что за сладкий дурман поединка?
Так привержена целому часть,
так стихии послушна пылинка.

Ночь бледнеет. Ложится у ног
сад Купеческий, сад Гефсиманский.
Это дышит языческий бог,
это Бог говорит христианский.